

А. С. КРАВЕЦ

Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra

Книга Делеза «Логика смысла»¹ занимает особое место в имеющем солидную историю дискурсе о смысле. Она получила большую известность в западной философии, ее очень высоко оценивал М. Фуко. Внимание к книге Делеза обусловлено прежде всего исследуемым предметом — смыслом. Тема смысла лежит на пересечении многих философских изысканий: герменевтики, экзистенциализма, постмодернизма. Она важна для понимания человеческого существования, творчества, познания, общения. Помимо философского среза под этой проблемой лежит мощный пласт конкретики, представленный такими науками, как логика, лингвистика, психолингвистика, когнитивистика. Таким образом, проблема смысла становится неким нервом современной исследовательской мысли, не распутанным еще до конца узлом, за отдельные нити которого ухватились представители различных научных направлений.

Главной особенностью философской интенции Делеза является восстание против классической традиции теории смысла. Делез совершенно сознательно бросает вызов классике, он переворачивает многие устоявшиеся мнения и прежде всего — понимание соотношения смысла и нонсенса. Его эпатажный вывод заключается в том, что вопреки общему мнению нонсенс и смысл не только не исключают друг друга, но, более того, нонсенс является источником смысла, «нонсенс обеспечивает дар смысла» (С. 93). Отсюда проистекает и название новой перевернутой «логики смысла»: «Утверждение между смыслом и нонсенсом изначального типа внутренней связи, некоего способа их соприсутствия необходимым образом задает всю логику смысла» (С. 91).

В нашей статье мы остановимся на центральной теме книги Делеза: на трактовке им соотношения абсурда и смысла и подвергнем критике его основную идею, будто смысл рождается из абсурда.

¹ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995. *Далее ссылки на это издание.* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Пр. 03-03-00010а.

Сущность смысла и формы его существования

Для того чтобы разобраться в шокирующих выводах крупнейшего постмодерниста, следовало бы сначала уяснить, что он понимает под смыслом, нонсенсом, абсурдом. Однако сделать это не легко, ибо автор отнюдь не стремится придерживаться строгих определений обсуждаемых понятий. С другой стороны, понятие смысла нельзя считать окончательно установившимся в науке. Оно исторически развивалось, и эта история, по-видимому, еще не закончилась.

Средоточием смысла является язык в его соотношении с мышлением. Этимология русского слова «смысл» как раз указывает на эту связь. Смысл — это то, что соотносено с мыслью, совместно с мыслью о некотором предмете. Интересно, что английское *sense* (смысл) не имеет подобной коннотации, однако другое слово *meaning* (значение), часто употребляемое как синоним *sense*, связано с глаголом *mean* — *означать, иметь в виду, подразумевать*. Последнее прямо указывает, что под смыслом понимается то, что имеется в виду, когда говорят на каком-либо языке.

В развитии концептуальных представлений о смысле исторически сложились три последовательно сменяющих друг друга парадигмы смысла. Первая парадигма — словоцентристская, ее истоки уходят в античность. Свое название она получила в силу того, что за элементарную единицу смысла было принято слово, все остальные смыслы лингвистических выражений (предложение, фраза, текст) рассматривались как производные от смысла составляющих их слов. В словоцентристской парадигме возникло противостояние двух смысловых аспектов слова, приблизительно соответствующих русским словам *обозначение* и *означение*.

Обозначение понималось как проекция слова на обозначаемую им вещь. Именно эта вещь, сопоставимая со словом (знаком), ранее называлась значением, теперь же чаще употребляют термины «денотат» или «референт». Под означением же имелась в виду мысль (дефиниция, толкование), трактующая понимание слова. Это обычно и называлось смыслом.

В общем и целом смысл в рамках словоцентристской парадигмы понимается как мыслимый образ вещи или ее свойства.

По мере выявления богатства смысла слова постепенно приходили к убеждению, что смысл слова формируется употреблением его в речи. Употребить слово в речи — это означает прежде всего включение его в состав предложения, где оно будет выполнять определенную семантическую и синтаксическую функцию. Отдельное слово само по себе не выражает законченной мысли, если не принимать во внимание редких и особых случаев, например, ситуации диалога или так называемых односоставных предложений. «Мысль, — пишет Г. Фреге, — есть смысл предложения»². Ему вторит Л. Витгенштейн: «Только предложение имеет смысл, имя обретает значение лишь в контексте предложения»³. Осознание этого факта привело к формированию пропозициональной парадигмы смысла.

² Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. С. 25.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 13.

Пропозиция и предложение – соизмеримые сущности. И все же между ними имеются различия. Пропозиция – это элементарная форма предложения, вернее, она является смысловым инвариантом различных форм предложения. Пропозиция характеризует элементарную смысловую связь имен и предикатов.

Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» развивает свою концепцию языковых игр, согласно которой «ход» в языковой игре означает установление некоторого «положения дел» в возможном мире. Следовательно, смысл пропозиции в том, что она формулирует определенное положение дел в возможном мире. Именно так расшифровывает для себя слушающий (интерпретатор) простые предложения *мальчик бежит, собака лает*.

Оказывается, что связь слов в высказывании подчиняется сложной иерархической структуре, накладывающей определенные запреты на сочетания слов. Именно нарушение этих запретов ведет к абсурду. В целом осмысленное высказывание в своем конструировании подчиняется трем программам: семантической согласованности, лексической сочетаемости и синтаксическому управлению⁴.

Семантическая согласованность является наиболее фундаментальной и критической для формирования смысла. Ее нарушение наиболее чувствительно, ибо приводит к бессмыслице, абсурду. Семантическая согласованность обусловлена логикой отношения имен и предикатов, которая коррелирована с отношениями вещей и свойств в мире. Семантическая согласованность предполагает некоторую конгруэнтность (совпадение по семантическим признакам) смыслов сочетаемых друг с другом лексем.

Семантически согласованные слова в высказывании как бы «зацепляют» друг друга смыслами, что особенно четко выявляется в семном анализе слов. Семы – это семантические компоненты целостного смысла слова. Существует правило: связь слов образует смысл, если последовательные слова имеют общие семы. Например, выражение *фонема обоняла звук запаха* бессмысленно, хотя все слова и имеют свой смысл, но те, которые имеют общие семы (*фонема – звук, обоняние – запах*), не образуют синтагматической последовательности, а те, что ее образуют (*фонема – обоняла, звук – запаха*), не имеют пересекающихся сем.

Все сказанное указывает на то, что смысл является *организованной концептуальной системой* и не сводится к простой сумме исходных слов. Смысл предложения является новой целостностью, не выводимой и не сводимой к простой сумме слов, взятых из лексикона.

Хотя пропозициональная парадигма сыграла важную роль в понимании смысла, постепенно стала осознаваться ее ограниченность. Пропозиция схватывает базисную схему образования смысла, его сущностное ядро. Но этой схемой нельзя ограничить смысл, если иметь в виду не некий прототипический смысл, фигурирующий в качестве идеальной модели в теоретико-лингвистических исследованиях, а живую речь, в которой коммуниканты задают вопросы, отвечают на них, утверждают или отрицают что-либо, обра-

⁴ См.: Кравец А.С. Структура смысла: от слова к предложению // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1.

щаются с просьбой или дают советы и т.п. Другими словами, именно в живой речи выявляется, что модальная рамка пропозиций весьма существенна для понимания смысла сказанного.

Всякий речевой акт производится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказывается смысл не только самой пропозиции, но и конкретный вид ее модальности, все прагматические устремления коммуникантов. Речевой акт начинает трактоваться как специфический вид человеческой деятельности с помощью языка. Деятельностная парадигма смысла в ее основных чертах была сформулирована в работах британского философа Дж. Остина и его американского коллеги Дж. Серля⁵.

Если прежние парадигмы интересовались, прежде всего, семантикой смысловых выражений и поэтому нацеливали исследователей на поиск смысла, выражаемого отношением знак — объект (Z-O), то новая парадигма погружала смысл в субъект-субъектные (S-S) отношения, которые более адекватно характеризуют сущность человеческой коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как осмысленная деятельность в человеческом (субъект-субъектном) мире⁶. Именно абсолютизация Делезом пропозициональной парадигмы послужила основанием для отрыва смысла от всякого человеческого фактора, как общественного, так и личностного.

Важнейшая черта смысла, проявляемого в деятельности человека (конечно же, это относится и к речевому акту) — его мотивированность, целесообразность и планомерность. Действие устремлено на получение определенного результата, оно развивается по плану, где каждый шаг в его реализации приближает нас к цели. Поэтому о смысле говорят, что он рационален, продуман, спланирован, а об абсурде — что он иррационален, лишен смысла. Не случайно символом абсурда становится Сизифов труд, вечное стремление к недостижимой цели.

Смысл Делез трактует как положение вещей, выраженное предложением. Смысл сопутствует предложению, но не сливается с ним, существуя как вечная его оппозиция: «Выделенный из предложения, смысл независим от последнего, поскольку приостанавливает как его утверждение, так и его отрицание. И тем не менее смысл — это всего лишь мимолетный, исчезающий двойник предложения, вроде кэрроловской улыбки без кота, пламени без свечи» (С. 49).

В общем и целом Делез присоединяется к пропозициональной трактовке смысла. Поэтому он указывает, что смысл не зависит от качества и количества, т.е. от того, утверждается ли он или отрицается, от кванторов суждения и его модусов (сомнения, необходимости, вопрошания и т.д.).

Трактуя смысл как выраженное в предложении положение вещей, Делез слишком субстанциализирует его. Не случайно он избегает характеристик

⁵ См.: Остин Дж. Избранное. М.: Идея — Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999; Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

⁶ См.: Кравец А.С. Деятельностная парадигма смысла // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2003. № 1.

смысла как некоторой правильно организованной мысли. Как уже указывалось, термин «положение вещей» был введен Витгенштейном. При этом Витгенштейн весьма далек от того, чтобы как-то офизичивать или субстанциализировать смысл. Смысл для него не реальное (физическое, механическое, биологическое или какое-то другое) положение вещей, а *мыслимое положение вещей*. Именно поэтому смыслы могут быть как истинными, так и ложными (если они подвергаются утверждению или отрицанию), как синтетическими (то есть выводимыми из эмпирии), так и аналитическими (то есть мыслимыми конструкциями, не зависящими от мира), они могут относиться и к ирреальному миру (*русалка купалась в море*).

Делез упорно ищет особую форму бытия смысла, не тождественную, не совпадающую ни с «положением дел» (т.е. самим миром), ни с сознанием (поэтому он принципиально не признает укорененности смысла в ментальности человека), ни с предложением. «Нельзя даже сказать, — пишет французский мыслитель, — существует ли смысл в вещах или в разуме», «у него нет ни физического, ни ментального существования» (С. 35), он не существует ни в Боге, ни в человеке. Смысл «не сливается полностью с предложением, ибо в нем есть нечто «объективное», всецело отличающееся [от предложения]» (С. 37).

Делез помещает смысл в сверхбытие, равнозначное небытию. Мастер метафор не случайно привлекает здесь словечко *aliquid*, которое характеризует неопределенность бытия смысла, это нечто вроде улыбки чеширского кота без самого кота, пламени свечи без самой свечи. Такая диалектика недосказанности, недоопределенности не способствует уяснению делезовской концепции смысла.

«Вопрос вот в чем, — заостряет проблему Делез, — есть ли нечто такое, *aliquid*, что не сливается ни с предложением, ни с его терминами, ни с объектом, или положением вещей, обозначаемым предложением, ни с «живым», будь-то представление или ментальная деятельность того, кто выражает себя в предложении, ни с понятиями или даже с означаемыми сущностями? Если есть, то смысл, или то, что выражается предложением, не сводится к индивидуальному положению вещей, конкретным образам, личным верованиям и универсальным и общим понятиям» (С. 35).

Таков ответ постмодернистского парадоксиста, резко расходящийся с общепринятой точкой зрения.

Здесь есть от чего закружиться голове. Действительная тайна смысла заключается в том, что он соединяет человека с миром, является посредником в творческой, деятельностной, познавательной активности человека, направленной ни понимание и изменение мира. Смысл — это именно посредник между сознанием человека и миром, и в этом проявляется двойственная природа его сущности. С одной стороны смысл является квинтэссенцией человеческой активности, густком человеческого духа, интеллекта мыслящего человека. С другой стороны, смысл всегда направлен на мир, в смыслах человек осознает мир, в смыслах (проектах, замыслах, движении к поставленной цели) он его и изменяет.

Вместе с тем смысл пребывает и в языковых выражениях, которые можно трактовать как отчужденную от человека форму мысли. Именно поэтому

мы и обнаруживаем смысл в предложениях, но отчужденный смысл уже разрывает пуповину, связывающую его со своим демиургом — субъектом смысла. Будучи выраженным в языке, смысл проявляет свое «упорство» тем, что постоянно выдает себя, сигнализирует о себе через диалектику выражения и выражаемого, означающего и означаемого. Выражение, означающее — это предметная форма смысла (звучание, начертание), а выражаемое, означаемое — это то, что имеется в виду как скрывающееся за знаком, т.е. некоторая человеческая мысль.

Таким образом можно говорить о двух взаимосвязанных формах бытия смысла. В своей имманентной форме смысл всегда является сущностью идеальной и интеллигибельной (умопостигаемой), он существует в сознании, как общественном, так и личностном. В своей отчужденной, опредмеченной и интересубъективной форме смысл присутствует в языковых выражениях (словах, предложениях, текстах). Выстраивая свою концепцию сверхбытийности смысла, Делез идет здесь по пути, проложенному лингвистикой, т.е. ищет смыслы только в языковых выражениях, тем самым напрочь игнорируя имманентную форму его существования в человеческом сознании.

Трудность и путаница в определении бытийности смысла как раз и коренится в его процессуальности, в его парадоксально становящейся сущности, которую так любит анализировать Делез. Слова, предложения, тексты — это хранилища смыслов, отчужденные формы их пребывания в языке. Эти отчужденные (от человека) смыслы, существующие в языке, и обнаруживает лингвистика, делая их предметом своего изучения. Но язык как знаковая материя мысли (Соссюр) — лишь необходимая форма выражения застывшего, устоявшегося смысла в культуре, в человеческой коммуникации. Сам же смысл рождается в мыслительной деятельности человека дважды: один раз в смыслопорождении, второй раз в смысловосстановлении. Смысл не порождается знаками, а лишь выражается ими и транслируется в культуре от одного субъекта к другому.

Манифестация смысла возможна только через его опредмечивание. Смысл — идеальная сущность, требующая для своего выражения предметной формы, системы знаков. В предметной форме смысл объективируется, в нем замирает субъективность, человеческое «Я». Мысль творца смысла (т.е. подлинного и единственного его демиурга), опредмечиваясь в языке, становится всеобщим человеческим достоянием. В знаковом выражении смысл теряет свою изначальную связь с породившим его субъектом. Вот почему Делез настаивает, что для понимания смысла не нужно углубляться в пещеры философа или восходить в божественные небеса. Будучи «отлитым» в знаковую форму выражения, в особую социокультурную предметность, смысл присутствует в ней и выдает себя.

Однако для того чтобы понять этот смысл, закодированный в выражении, необходимо его расшифровать, т.е. снова превратить в нечто идеальное (мысль). И здесь мы в очередной раз возвращаемся к человеческому «Я», к сознанию понимающего человека. Смысл снова обретает свой родной дом в сознании уже другого человека: интерпретирующего, понимающего субъекта. В этих процессах опредмечивания и распредмечивания происходит не простая «пересадка» смысла (от творца к интерпретатору), но подлинное

его возрождение. Он постоянно восстает из мертвой материи знаков, как Феникс из пепла, в творческой смысловосстановительной деятельности интерпретатора. Смысл субъективизируется в новом сознании в виде мыслей, образов, ментальности человека понимающего.

Таким образом, в генезисе смысла первично не слово, первична творческая деятельность человека, формирующего смыслы.

В делезовской версии между смыслом и вещами существует вечная оппозиция, или противостоящие друг другу серии (означающего и означаемого, предложений и вещей), которые сосуществуют на разных сторонах его *Поверхности*. Несомненно, Делез направляет свою концепцию против немецких философов Канта и Гуссерля, которые подчеркивали укорененность смысла в трансцендентальном сознании. Он исключает всякую независимость смысла от реального мира и в этом рвении явно перегибает палку. Порой дело представляется им таким образом, что смыслы детерминируются физическим (материальным) миром, это некий продукт слияния, совпадения предложений и положений вещей на двух сторонах его *Поверхности*. «Несомненно, этот нематериальный смысл является результатом телесных вещей, их смешений, действий и страданий» (С. 112); «Действительно, смысл — то, что придается в качестве атрибута, но он вовсе не атрибут предложения, скорее, он атрибут вещи или положения вещей» (С. 37).

В трактовке феномена смысла неизбежно возникает роковая проблема соотношения в нем объективного и субъективного, реального и мыслимого, материального и идеального, которая породила многочисленные философские версии этого соотношения и развела философов по различные стороны баррикад. Свою версию связи этих двух ипостасей смысла пытается обосновать и Делез. Совершенно очевидно, что радикальная дизъюнктивная дилемма (либо смысл — в вещах, либо он имманентный продукт человеческого духа) непродуктивна. Отрывая смысл от мира, мы никогда не объясним ни сущности человеческого познания, ни даже фактической выживаемости человека в мире. Отрывая смысл от человека, его сознания и творческой субъективности, мы не объясним проективной деятельности человека, никогда не сможем понять, как возникла надприродная реальность — человеческая культура. Продуктивной является лишь трактовка смысла как духовного (идеального) посредника связи между человеком и миром.

Делезовская поверхность

Обратимся теперь непосредственно к анализу ядра делезовской теории смысла: его концепции поверхности, события и размножения серий. Концепт поверхности стал знаковым для постмодернизма, выражающим его отношение к классическим философским системам, тяготеющим к фундаментализму, пониманию философии как предельных оснований человеческого бытия. Образ поверхности, у которой нет ни высоты, ни глубины, становится идеологемой новой философии. Эта идеологема связывается с критикой всякой онтологии, построенной по иерархическому принципу (первопринципов, первоэлементов, абсолютов и т. п.). Она позволяет уравнивать все смыслы на поверхности.

Объявляя борьбу авторскому насилию в текстах, навязыванию читателю якобы единственно верного авторского смысла, постмодернисты вводят операции децентрации и деконструкции текста. Децентрация связывается с разрушением авторского авторитета, претендующего на некоторый смысловой центр в интерпретациях текста. Деконструкция предполагает такую разборку текста, которая обнаруживает различные голоса в тексте, цитации, переключку смыслов из различных текстовых источников. Текст теряет единственного автора (смерть автора). Предзаданность смысла дескретизируется. На текстовой поверхности происходит лишь игра бессознательных, безличностных сил.

Что же такое поверхность в понимании Делеза? По его мысли, поверхность образуется слиянием предложения и положения вещей, это тонкая граница, не имеющая толщины, одной стороной всегда повернута к предложениям, другой — к вещам. Этот геометрический образ является, безусловно, метафорой и письма, разворачивающегося на поверхности, и бестелесного смысла, не имеющего ни высоты, ни глубины. Указанная граница одновременно соединяет и разделяет предложение и положение вещей: «Смысл есть то, что формируется и развертывается на поверхности. Даже описанная выше граница является тут не неким водоразделом, а, скорее, связующим элементом, так что смысл предстает и как то, что случается в мире, и как то, что упорствует в предложениях» (С. 157).

Конечно, в буквальном смысле такую поверхность мы не можем обнаружить нигде: ни в сознании, ни в космосе. Никакое предложение не может «слиться» с вещью или как-то соприкоснуться с ней. Именно поэтому Делез помещает смысл в сверхбытие, дом которого располагается на поверхности. Его образ поверхности позволяет одним махом отсечь все смыслы от какого-либо авторского источника (будь то гений или премудрый Бог), т. е. от высоты замысла, а также от каких-либо физических начал, лежащих в глубинах космоса.

«Поверхность, — по Делезу, — подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем. Философия бьющего посоха киников и стоиков вытесняет философию ударов молота. Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхности — клещ или блоха» (С. 164). «Все, что происходит, и все, что высказывается, происходит и высказывается на поверхности» (С. 164).

Удивительно, что этот образ поверхности позволяет Делезу выдерживать некую диалектическую позицию связи смысла и положения вещей, связи, которую, вообще говоря, никто не отрицал. Однако образ поверхности у Делеза больше, чем метафора. Это смыслообразующий центр всей его философии, хотя постмодернисты и борются против всяких центраций. Эта философия сознательно ориентируется против всех классических установок в понимании смысла, беря от них, однако, по кусочкам то одно, то другое. «Налицо, — пишет мастер эпатажа, — переориентация всей мысли и того, что подразумевается под способностью мыслить: *больше нет ни глубины, ни высоты*. Не счесть насмешек в адрес Платона со стороны киников и стоиков. И всегда речь идет о том, чтобы низвергнуть Идеи, показать, что бестелесное пребывает не в вышине, а на поверхности и что оно — не верховная причина, а лишь поверхностный эффект, не Сущность, а событие» (С. 161).

Здесь появляется новый термин «событие». Содержание этого термина навеяно различными аналогиями. Например, Эйнштейн вводит этот термин в специальную теорию относительности, где событие означает точку в четырехмерном пространстве-времени. Его можно трактовать как «нечто», происходящее в определенном месте в определенное время. Вопрос, *что* происходит (в указанной точке), относится к физической онтологии (к содержанию конкретной физической теории), теория же относительности выражает геометрию мира и абстрагируется от этого содержания. По Эйнштейну, события могут быть совместимыми и несовместимыми.

В теории вероятности также говорят о событиях, имея в виду некоторые случайные исходы опыта (бросание монеты), наблюдаемые эффекты (рождение мальчика или девочки, распад атома и т. д.). В исторической науке также часто говорят о событийном ряде, имея ввиду хронологический ряд следования друг за другом фактически наблюдаемых (имевших место) исторических феноменов (битвах, революциях и т. п.). Для всех этих применений термина «событие» характерно абстрагирование от «сущности» наблюдаемого, важен лишь факт случившегося.

Представления подобного рода и легли в основу делезовского события, понимаемого как элементарный смысл, располагающийся на поверхности. «Так что не будем теперь спрашивать,—пишет автор «Логике смысла», — в чем смысл события: событие и есть смысл как таковой. Событие по самой сути принадлежит языку» (С. 38).

Событие объединяет две стороны вечной оппозиции: знаки и вещи, предложения и положения вещей. «Событие наличествует в языке, но оживает в вещах. Вещи и предложения находятся не столько в состоянии радикальной двойственности, сколько на двух сторонах границы, представленной смыслом. Эта граница ни смешивает, ни воссоединяет их (поскольку монизма здесь не больше, чем дуализма); скорее она является артикуляцией их различия: тело/язык. Сравнивая события с туманом над прериями, можно было бы сказать, что туман поднимается именно на границе — там, где вещи соединяются с предложениями» (С. 38). Мы уже достаточно высказались по поводу делезовской трактовки смысла как бестелесного сверхбытия. Именно образ дуальной поверхности позволяет нашему автору уйти от мучительных вопросов: где истоки смысла, как он генерируется? Смысл как событие вечно присутствует на поверхности, чудесным образом соединяющей имена и вещи, предложения и положения тел.

Если вы принимаете делезовскую поверхность, то вместе с этой наживкой должны проглотить и всю его концепцию порождения смысла. Для понимания природы смысла уже не нужны ни психология, ни гносеология, ни социология, ни антропология... Вам предстоит освоить новую топологию смысла.

Помимо события, другим важным для делезовской концепции смысла является понятие серий. Серии — это некоторые последовательности взаимосвязанных событий или смыслов, размножающихся на поверхности. Это размножение смыслов происходит в предложениях. Серии объединяют события общей темой, сюжетом, историей и т. д. По существу, здесь Делез присоединяется к традиционному мнению, что смыслы формируются в употреблениях предложения. Однако до конца быть последовательным ему все же не удастся.

Среди событий-смыслов он выделяет сингулярное событие, особый случай, точку, из которой расходятся серии смыслов. Это сингулярное событие заключается в образовании первичного смысла, в первичном объединении знака и вещи по формуле «это N»: это — лошадь, это — дом и т. д. А потом уже этот первичный смысл развивается в сериях: *лошадь скачет, лошадь пасется* и т. д.

Здесь неявно Делез присоединяется к довольно распространенной концепции «первичного крещения» вещей в именах. Хотя концепция первичного крещения кажется естественной с точки зрения здравого смысла (ведь должен смысл с чего-то начаться), она не получила исторического доказательства и не выдерживает логической критики. Более того, она противоречит пропозициональной парадигме, к которой присоединяется Делез.

Действительно, формула «Это N» годится лишь для введения собственных имен (Иван, Петр и т. д.), но для этого «крещения» должна быть особая ситуация, которую иногда называют ситуацией указующего перста (вспомним посох киников). В ситуации крещения должна наличествовать именуемая вещь, на которую мы каким-либо образом указываем, говоря «Это N». Возникающее таким образом собственное имя привязывается к вещи как вечный ее ярлык.

По общему мнению, собственные имена не имеют смысла и не нуждаются в переводе. Они напрямую, минуя смысл, связываются со своим денотатом. Концепция крещения как объясняющая общее происхождение всех имен критиковалась Витгенштейном в его полемике с концепцией смыслов Августина Блаженного.

Действительно, если мы попытаемся ввести имя «лошадь» таким образом (например, указывая пальцем на пасущееся на лугу животное), то это не будет общим именем (лексемой). Ведь увидев затем похожее животное, но других размеров и другой окраски, мы должны были бы вводить новые имена. Полученное в первичном крещении собственное имя «Лошадь» мы должны были бы писать с большой буквы и не смогли бы никогда применять в предложениях, повествующих о всех других лошадях, как мы не можем применить имя Иван ко всем людям.

Однако Делеза трудно уличить в противоречии между двумя позициями: 1) все смыслы выражаются предложениями; 2) первичные смыслы слов рождаются в «крещении». Дело в том, что сингулярное событие отнюдь не трактуется им как сформировавшийся смысл. Более того, это даже отнюдь не смысл, а нонсенс, дарующий смысл, генерирующий его.

Сингулярное, всегда экстраординарное и случайное, событие — это некоторое «х» на поверхности, «ничто», что еще должно получить свой смысл в сериях предложений. Для обозначения этого «х» Делез находит удачное словечко *aliquid*, трактуемое как небытие, пустое место на поверхности. Это «х», о котором можно сказать: *это, то, вещьца, ерунда, нечто*, или «*этот... как его бишь*» (С. 63). Цитируя Леви-Стросса, Делез пишет: «Мы имеем дело здесь со значимостью, лишенной самой по себе смысла и, следовательно, способной принять на себя любой смысл, то есть значимостью, чья уникальная функция заключается в заполнении зазора между означающим и означаемым» (С. 70).

Таким образом, сингулярное событие — это еще не смысл, а предшественник смысла, это нонсенс, который как раз и возникает из-за разрыва между означающим и означаемым. Здесь, по Делезу, возможны две ситуации нон-

сенса: возникло словечко, не получившее еще своего смысла («место без пассажира») или мы имеем дело с некоторым положением вещей, не имеющим имени («пассажир без места»).

Как только этому *aliquid*-у мы начинаем приписывать какие-либо предикаты, так начинают формироваться смыслы в сериях. Связь серий, по Делезу, «соединяющая означающие серии с означаемыми, может быть обеспечена весьма просто: посредством продолжения истории, сходства ситуаций или тождества персонажей» (С. 56).

Говоря о формировании серий, Делез особое внимание уделяет оппозиции означающего и означаемого в них. Следует отметить, что на взгляды Делеза, как и на позицию постмодернизма в целом оказали влияние работы структуралистов, в частности Ф. Соссюра. Соссюр вообще рассматривал язык как систему, в которой любая оппозиция (лексическая, морфологическая, фонетическая и т. д.) имеет определенную значимость. Язык он трактовал как мысль, организованную в звучащей материи, а любое знаковое выражение как единство означающего и означаемого. Знак, по Соссюру, является единством внешней формы и внутреннего содержания, звучащего слова и мыслимой вещи (понятия), означающего и означаемого. «Мы называем *знаком*, — писал Соссюр, — соединение понятия и акустического образа»⁷. Соответственно, первое (понятие) Соссюр называет означаемым, второе (акустический образ) — означающим: одно, по его мнению, не существует без другого.

Эти простые мысли основателя структурализма Делез запутывает до такой степени, что трудно вообще разобраться, что он понимает под означающим и означаемым.

Его трактовка означаемого в какой-то мере возвращает нас к той дофреговской ситуации, когда лингвисты еще не различали четко два семантических аспекта знака: смысл и денотат, мысль и вещь, которую обозначает знак. Эта неопределенность усиливается, когда Делез говорит о сериях смыслов, разворачивающихся на его *поверхности*.

Устанавливая оппозицию означающего и означаемого, Делез формулирует закон *регрессивного синтеза*, из которого следуют два вывода: 1) существуют постоянные переходы в сериях означающего и означаемого, т. е., по существу, их разграничение релятивно; 2) потеря означаемого в бесконечно размножающихся сериях. И то и другое, как мы постараемся доказать, неверно и основано на недоразумениях.

На чем основан закон регрессивного синтеза? Рассматривая размножение серий на поверхности, Делез исходит из того, что с каждым предложением можно сопоставить некоторое имя. Это неверно по той простой причине, что число имен в языке конечно, а число возможных предложений не ограничено. По Делезу, каждый смысл (выражаемый предложением) может быть поименован. Однако на самом деле можно указать смыслы, для которых в языке нет имени. Так, в русском языке есть имя «молодожены» (*люди, недавно вступившие в брак*), но нет имени для смысла *люди, давно прожившие в браке*. Таким именем для этого смысла могло бы стать слово *старожены*, но его нет в русском языке.

⁷ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 100.

Правильное отношение, которое перевернул Делез, совсем другое: с каждым именем, существующем в языке, можно сопоставить смысл, выражаемый в предложении. Это, по существу, и установил Фреге в своем определении смысла имени. Итак, «если принять предложение за некое имя, — пишет Делез, — то ясно, что каждое имя, обозначающее объект, само может стать объектом нового имени, обозначающего его смысл: n_1 отсылает к n_2 ; n_2 отсылает к n_3 и так далее. Для каждого из своих имен язык должен содержать некоторое имя для смысла этого имени» (С. 46). Это и есть закон регрессивного синтеза, в котором, по Делезу, означаемое и означающее непрерывно меняются местами. Когда мы встречаемся с именем n_1 означающим, то оно отсылает нас, как думает Делез, к имени n_2 (означаемому), но поскольку n_2 в свою очередь отсылает нас к имени n_3 , то теперь уже n_2 становится означающим, а n_3 рассматривается как означаемое. Таковую ситуацию Делез назвал парадоксом Фреге.

На первый взгляд, рассуждение Делеза выглядит вполне убедительно. Говоря нечто, я формулирую предложения, состоящие из слов, в свою очередь, чтобы понять смысл слов, я должен сформулировать предложения, раскрывающие их смысл, но они, в свою очередь, вводят новые слова, требующие экспликации в новых предложениях и т. д. и т. п. Вот как передает эту ситуацию сам Делез: «Говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чем идет речь. Но с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чем я говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом не проговариваю. Итак, я попадаю в бесконечный регресс того, что подразумевается» (С. 45). Кажется, что цепочка имен и предложений ведет нас в неисчерпаемую бесконечность, где теряются следы означаемого.

На самом деле мы имеем дело с видимостью парадокса, возникающего в силу двух причин. Во-первых, потому что Делез неявно полагает, будто бы в языке могут существовать имена и предложения, не имеющие смысла, т. е. означающие без означаемого. Здесь Делез противоречит не только Соссюру, но и самому себе. Ведь в начале наш автор утверждал, что смысл упорствует в каждом предложении, выдает себя, а отнюдь не скрывается в далекой бесконечности... Со всей определенностью следует заявить, что в языке (как социально обусловленной и общезначимой системе) нет имен, не имеющих смысла.

Во-вторых, парадокс «неопределенного размножения» смыслов возникает в силу того, что Делез напрочь отрезает смыслы от их носителей, субъектов коммуникации. То, что я имею в виду, когда произношу имя или предложение, содержится в моем уме, в моей памяти. Точно так же как человек, кому я адресую свое предложение, должен обладать языковой компетентностью, т. е. знать и хранить в уме смыслы слов родного языка. Употребляя слово в предложении, я отнюдь не обязан тут же еще и растолковывать слушающему его смысл. Если он не знает общезначимого смысла слов, содержащихся в языке, наше общение тотчас заходит в тупик.

Каждое имя в его употреблении содержит в себе сокращенный, свернутый смысл, экспликация которого требует семантической развертки, подобной тем, которые даются в толковых словарях⁸.

⁸См.: Кравец А.С. Имена и дескрипции: семантическая свертка // Человек, познание, культура. Воронеж, 2000. Вып. 1.

Строя фразы, коммуниканты используют эту семантическую свертку смысла в слове. Поэтому, проговаривая слово *тигр*, я отнюдь не обязан одновременно проговаривать слушающему фразу *хищник из семейства кошачьих*. Такая проблема экспликации, то есть развертки смысла, возникает только в том случае, если мы встречаемся с употреблением непонятного для нас слова (устаревшего, профессионального, иностранного). В том и состоит важная функция языка как хранилища общезначимых смыслов, что он избавляет нас в общении от постоянного растолковывания смысла употребляемых слов. Между коммуникантами, владеющими языковой компетентностью, постоянно витает в общении их общий посредник — язык.

Поэтому когда я говорю нечто, вопреки мнению Делеза, я одновременно высказываю и смысл того, что говорю. А слушатель, обладающий языковой компетентностью, распредмечивая сказанное (т. е. означающее, материю знаков), одновременно восстанавливает означаемое, т. е. развернутый смысл имен и предложений. Естественно, если коммуниканты владеют различной языковой компетентностью, то они могут вкладывать несколько различные смыслы в сказанное. Это еще раз говорит о том, что смысл неразрывно связан как с общественными предпосылками, так и с личностным началом.

Итак, означающее и означаемое неразрывно связаны в любом слове, в любой фразе, если она построена согласно языковым конвенциям. Поэтому нельзя себе представить ситуацию общения, когда означающее дано без означаемого, или означающее может переходить в означаемое, что, собственно, одно и то же. Всякий разрыв между означающим и означаемым ведет к абсурду (например, *хливые шорьки пылялись по наве*). Собственно говоря, этот прецедент разрыва означающего и означаемого Делез и использует для объяснения абсурда.

В основе утверждений о потере означаемого в коммуникации лежит уже упомянутая путаница с обозначаемым (денотатом) и означаемым (смыслом). Не осмысленных, т. е. не имеющих смысла знаков (т. е. слов) в языке не существует, но некоторые имена могут не иметь денотата. Напомним, что Фреге не только установил различие между смыслом и денотатом, но и показал их неразрывную связь: смысл всегда определяет денотат, денотат задается смыслом. Следует ли отсюда, что если некоторое выражение имеет смысл, то оно неизбежно имеет и денотат? Отнюдь нет. Многие осмысленные выражения в языке не имеют денотата, т. е. предмета, скрывающегося за знаком. Эта ситуация породила многочисленные дискуссии о сущности референции и успешных способах ее осуществления средствами языка⁹.

Существуют слова, лишенные денотативного значения. К ним прежде всего относятся прилагательные и глаголы. Однако и многие существительные отнюдь не имеют денотата (например, *нежность, высота*), поскольку они обозначают не предмет, а некоторый признак. Не имеют денотативной проекции и метафоры. Если кто-то сказал вам, что его начальник — *дубина*, не ищите, какое дерево скрывается за словом *дубина*. Некоторые выражения могут терять и приобретать денотат в зависимости от контекстного употреб-

⁹ См.: Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. Вып. XIII.

ления. Например, *нынешний король Франции*, будучи применимым к современному контексту, не имеет денотата, но употребление данного выражения в условиях XVI века указывало на вполне определенный денотат.

К.С. Доннелан показал, что далеко не каждая, даже развернутая дескрипция имени предопределяет денотат. Он предложил различать референтные дескрипции, которые указывают на соответствующий денотат, и атрибутивные дескрипции¹⁰. Например, предложение «убийца Смита — сумасшедший», сказанное в условиях, когда говорящий не знает, кто является *убийцей Смита*, является типично атрибутивным употреблением имени. Возможно даже, что Смит покончил жизнь самоубийством, и тогда имя «убийца Смита» вообще не имеет денотата.

Таким образом, денотат может теряться при употреблении некоторых выражений, но смысл — никогда. Поэтому можно было бы сказать, выражаясь фигурально, что в речи, в употреблении некоторых выражений они могут терять половину означаемого, т. е. денотат (референт).

Помимо закона регрессивного синтеза, Делез устанавливает и второй закон размножения серий: *дизъюнктивный синтез*. Простое понятие дизъюнкции автор «Логики смысла» также чрезвычайно запутывает.

Дизъюнкция (исключение), как известно, является логической операцией образования сложного высказывания (A V B) на основе исходных высказываний A и B, которые соединяются союзом «и / или». Двойной союз «и / или» образует слабую истинную дизъюнкцию, когда истинными являются либо A и B одновременно, либо одно из элементарных высказываний. Строго разделительный союз «или» образует сильную дизъюнкцию, истинную только в том случае, когда одно из элементарных высказываний истинно, а другое ложно. Делез пытается говорить о дизъюнкциях, имея в виду соотношение имен в размножении смыслов: $n_1 > n_2 > n_3 \dots$, тем самым сильно запутывая картину. К именам, вообще говоря, операция дизъюнкции не применима. Возьмем, например, антонимы «*брат*» и «*сестра*». Из этих имен можно образовать как истинную конъюнкцию высказываний (например, *Брат и сестра гуляли по парку*), так и истинную дизъюнкцию (*ваше удостоверение могут забрать ваш брат или ваша сестра*).

Следует учесть, что наш автор вводит представление о дизъюнкции в связи с тем, что пытается установить закон для разделения несовместимых событий-смыслов. Эти законы давно известны в логике (закон недопустимости противоречия и закон исключенного третьего). Обычный язык и наша речь, вообще говоря, подчиняются этим законам, хотя вопрос о формализации естественно-го языка является очень непростым делом и активно обсуждается логиками.

С нашей точки зрения, Делез говорит о дизъюнкции, имея в виду три ситуации. Во-первых, рассматривая парадоксы становления, он вводит представление о сингулярном событии, от которого расходятся серии смыслов, соответствующие разделению историй событий на прошлое-будущее, низ-верх и т. п.

Во-вторых, рассматривая регрессивный синтез имен ($n_1 > n_2 > n_3 > \dots$), он говорит о необходимости различения свойств индивидов и свойств классов,

¹⁰ Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.

имен индивидов и имен классов. Безусловно, в языке выдерживается логика соотношения общего и единичного. Однако между общими именами и именами индивидов нет никакой дизъюнкции. Например, мы можем сказать: тигр — это *животное, хищник, большая кошка...* Все предикаты здесь различаются рангом общности, но они не только не исключают друг друга, но и совместимы в конъюнкции.

Если мы поставим вопрос, какие смыслы в языке правильные, а какие являются нарушением языковых конвенций (т. е. ведут к абсурду), то общий ответ в лингвистике сформулирован довольно точно. Абсурдные смыслы возникают при нарушении семантической согласованности имен и предикатов в рамках пропозиции. При раскрытии закона семантической согласованности мы действительно должны оперировать понятиями класса, но не в том смысле, о котором говорит Делез.

В лингвистике говорят о семантических классах, имея в виду некоторую дихотомию (озвученную еще Аристотелем) классов: имена неодушевленных предметов — имена одушевленных предметов; имена одушевленных предметов — имена разумных существ¹¹. Существуют и абстрактные имена, которые могут относиться к любым предметам: *совокупность, множество, класс*. Правило семантической согласованности тогда означает: каждому классу имен соответствуют свои предикаты, причем предикаты более общего класса могут быть приписаны всем подклассам (подмножествам), входящим в класс (например, *дерево плавает, олень плавает, человек плавает*), но предикаты, относящиеся к дифференцированным (особенным) признакам вышестоящего в эволюционной лестнице класса, не могут быть приписаны нижестоящим в этой лестнице классам (нельзя сказать *камень спит, обезьяна вычисляет*). Возможно, это соотношение и имеет в виду Делез, но формулирует его весьма туманно. Кроме того, семантическая согласованность может нарушаться в соединении имен одного и того же ранга: *квадратный круг, женатый холостяк*.

Наконец, существует третий случай, когда Делез применяет понятие дизъюнктивного синтеза. Он связан с возникновением таких парадоксов, как парадокс «Лжец», высказываний «Никогда не говори никогда», «Всякое правило имеет исключение» и т. п. Б. Рассел показал, что все эти парадоксы связаны с незаконным образованием абстракций все более высокого уровня: элементы — множество элементов — множество множеств элементов. Парадоксы, ведущие к противоречиям, по Расселу, связаны с тем, что одни и те же предикаты в высказываниях применяются и для характеристики элементов (скажем, в высказываниях первого ранга) и для характеристики «множества множеств» (высказывания более высокого ранга). Чтобы устранить эти парадоксы, Рассел разработал теорию типов, т. е. концепцию разнесения и разделения предикатов по разным рангам высказывания. Имея в виду именно эту теорию Рассела, Делез пишет: «Каждое свойство должно относиться к более высокому типу, чем свойства и индивиды, которых оно объединяет, а каждый класс должен быть более высокого типа, чем объекты, которые в него входят. Следовательно, множество не может содержать ни самого себя в

¹¹ См.: Уфимцева А.А. Лексическое значение. М.: Наука, 1986.

качестве элемента, ни элементы разных типов» (С. 92). Объяснение указанных парадоксов мы дадим позже.

Законы абсурда и нонсенса

Мы подходим к основным положениям делезовской «Логике смысла», к его выводам о соотношении абсурда и смысла. Здесь мы снова сталкиваемся с приверженностью автора к весьма туманным формулировкам, которые накапливаются как снежный ком.

Под абсурдом обычно понимают противоположность смыслу или отсутствие смысла. Делез и здесь пытается выступить против общественного мнения, заявляя, что абсурдные выражения все-таки имеют какой-то смысл. Вместе с тем он указывает, что нельзя отождествлять абсурд и нонсенс: «Нельзя смешивать два понятия — абсурд и нонсенс» (С. 53). Попытку различения типов абсурда, вообще говоря, нельзя не приветствовать, однако, как мы увидим, заявленная программа четкого различения абсурда и нонсенса так и не будет выполнена Делезом.

Обратимся к толкованию абсурда нашим автором: «Абсурдные объекты — то же, что квадратный круг, материя без протяженности, *regretuum mobile*, гора без долины — это объекты «без места», они «вне бытия». Однако они имеют четкое и определенное положение в этом «вне»: они из «сверх-бытия» — чистые идеальные события (т. е. смыслы — *A. K.*), нереализуемые в положении вещей» (С. 53). Итак, Делез хочет сказать, что абсурдные выражения имеют смысл, но не имеют референта в реальности. В общем виде такое утверждение некорректно. Мы видели, что в языке существует много имен, имеющих смысл, но не имеющих денотата, однако никто еще не считал их абсурдными, например, *нежность*, *бег* и т. п.

Однако приведенные Делезом примеры абсурда заслуживают особого анализа. Выражения «квадратный круг», «женатый холостяк», «живой труп», по общему признанию, являются абсурдными, они попадают под запрет языковых конвенций, если, конечно, не идет речи о каком-либо метафорическом их употреблении. Данные выражения нарушают правило образования синтагм, т. е. связанной последовательности слов, ибо то, что входит в содержание смысла одного слова, отрицается смыслом другого слова, оба слова имеют контрарные семы. Можно сказать, что такие имена абсурдны по определению, или, пользуясь терминологией Канта, аналитично абсурдны. Поэтому сложное имя, образованное такой синтагмой, не имеет смысла, но то, что не имеет смысла, тем более не имеет и денотата. Никто не может не только определить, что такое «квадратный круг», «женатый холостяк» и т.п., но и представить себе какой-либо референтный образ сказанного.

Совсем другая ситуация возникает с понятием «вечный двигатель». В обычном языке в словах «вечный» и «двигатель» нет контрарных сем. Поэтому, если мы спросим несведущего в физике человека, что такое «вечный двигатель», вполне вероятно, что он ответит: «Это двигатель, который работает вечно». Однако физика установила, что вечных двигателей в природе нет. С точки зрения физики суждение «вечный двигатель не существует» будет ис-

тинным, а суждение «вечный двигатель существует» будет ложным. Но то, что обладает истинностным значением, имеет смысл.

Сходная ситуация возникает с применением выражения «самая удаленная точка от Земли». Это выражение вполне осмысленно. Люди в древности думали, что такая точка существует (концепция ограниченности пространства Вселенной), но современная астрономия установила, что такой точки не существует. От выражения «квадратный круг» последнее выражение отличается своим синтетическим характером, т. е. оно допускает две возможности для высказываний «такая точка существует» и «такая точка не существует». Если согласиться с определением абсурда Делеза, то следует признать абсурдными и такие имена, как эфир, флогистон, теплород, поскольку им не соответствует «ничего» в природе. Но эти имена не абсурдны, о них создавались физические истории, т. е. теории, которые, увы, оказались ложными. Следовательно, нельзя смешивать абсурд и ложь, что в дальнейшем признает сам Делез.

Итак, абсурд возникает либо вследствие нарушения языковых конвенций и, прежде всего, семантического согласования имен, либо в случае выведения двух взаимоисключающих суждений об одном и том же предмете (что происходит обычно в парадоксах). Делез устанавливает свои законы образования абсурда, о которых мы уже упоминали: это регрессивный синтез и дизъюнктивный синтез.

Именно нарушения регрессивного синтеза и дизъюнктивного синтеза, по мнению Делеза, ведут к абсурду. Эти нарушения возникают в особой сингулярной точке на поверхности, и в этом случае наш автор предпочитает говорить о нонсенсе, но не об абсурде. Делез вводит два типа объектов: парадоксы становления и экзотические имена, в описании которых возникает нонсенс.

Обратимся вначале к парадоксам становления, которые получили свое отражение в известных с древности формулировках «Куча», «Лысый», «Летящая стрела».

В первых двух парадоксах нам предлагается установить, с какого момента в прибавлении (или убывании) единичных элементов (зерен или волосков) образуется новое качество: куча или лысый. Античные парадоксы много раз рассматривались в литературе. Принято считать, что парадоксы возникают либо в силу неадекватного означения (семантические парадоксы), либо по причинам нарушения логики вывода (логические парадоксы)¹².

В парадоксах «Куча», «Лысый» неизбежно возникает момент, когда мы не можем сказать, имеем ли мы дело с кучей или лысым человеком. На первый взгляд кажется, что у нас недостаточно языковых средств (есть только дихотомии *куча – некуча*, *лысый – нелысый*) для того, чтобы выразить момент перехода одного состояния в другое. Но более верной представляется мысль Гегеля о том, что здесь мы имеем дело с принципиально неопределенными мерами вещей. Ведь в других случаях, (например, в плавлении, кипении и т. п.)

¹² См.: Воробьева С.В. Парадокс // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: «Аст», Минск, 2001. С. 757–760; Непейвода Н.Н. Парадокс логический // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 194–195.; Финн В. К. Парадоксы семантические // Там же. С. 195–196.

мы имеем дело со строго определенными мерами, когда можно указать точку (температуру) преобразования качества вещи.

Более глубоким является зеноновский парадокс «Летящая стрела». Парадоксы Зенона («Ахиллес и черепаха», «Дихотомия») звучат как вызов здравому смыслу. Зенон предлагает отойти от эмпирической очевидности и порассуждать теоретически на предмет, что такое сущность движения. Пусть стрела выпущена из лука, и любой наблюдатель видит ее полет. Что же такое «движение стрелы»? Можно разбить процес движения на интервалы пространства и времени, стягивающиеся к точке. Весь вопрос в том, что происходит в некоторой произвольной точке x_i в момент времени t_i .

Можно допустить (а): в момент времени t_i стрела находится в точке x_i , т.е. покоится. Но тогда из суммы состояний покоя никогда не возникнет движение.

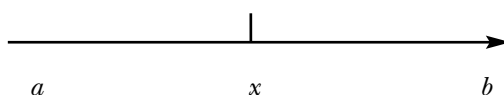
Можно допустить (б): в момент t_i стрела покидает точку x_i , то есть уже не находится в ней. Но тогда, перебирая все моменты времени, можно сделать вывод, что стрела не находится ни в одной точке пространства, т.е. опять-таки нет движения.

Остается допустить, что в каждое мгновение стрела (а) находится в соответствующей точке x и (б) не находится в этой точке. Но это и есть нонсенс.

Как и в вышеупомянутых парадоксах, можно допустить, что обычный язык (находится — не находится) неадекватно выражает *процесс* движения. Действительно, с развитием механики для описания механического движения было введено понятие скорости. Теперь движение стрелы означало, что она не останавливается, т.е. движется с постоянной скоростью. Однако понятие скорости опиралось на понятие производной в математическом анализе, который оперировал понятиями бесконечно малых величин, актуальной бесконечности, континуума и т.д. На сей раз возникли парадоксы уже в лоне самой строгой науки — в математике¹³.

Делез, говоря о сингулярном парадоксальном элементе, имеет в виду именно подобные парадоксы становления. Эти парадоксы он рассматривает в ракурсе своей стилистики как разыгрывание событий на поверхности.

Проведем прямую, олицетворяющую стрелу времени, и выберем на ней некую произвольную точку x .

Все, что случится до момента x , — это прошлое, то, что располагается после x , — это будущее. x — это мгновение настоящего, которое, по Делезу, является подлинным нонсенсом.

Настоящее — это то, что еще не случилось, но вот-вот случится. Но если что-то уже случилось, то это не настоящее. Настоящее неуловимо и невыразимо, оно меньше, чем будущее, и одновременно больше, чем прошлое. Алиса меньше, чем в момент, когда я говорю «сейчас», но больше, когда я уже сказал «сейчас». В данной шкале все, что слева от x , младше того, что справа от x . Однако если от x двигаться в направлении a , то младшее становится

¹³ См.: Клайн М. Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984.

старшим, а если пойдём в направлении b , то старшее становится младшим. На нашей прямой переворачиваются и отношения между причиной и эффектом. Если на пути от x к b причина предшествует эффекту, то на пути от x к a , наоборот. Приходится «отбывать наказание до совершения преступления, плакать до того, как уколешься, исполнять работу до получения задания» (С. 15).

В точке x — подлинное безумие, «младшее — старше старшего» (направление от x к a) и «старшее — младше младшего» (направление от x к b). x — это «чистое становление», по Делезу, не имеющее имени. Это сингулярная точка, в которой сходится прошлое и будущее, избыток и недостаток, младшее и старшее, состояние «до» и состояние «после». «Парадокс чистого становления, — по Делезу, — с его способностью ускользать от настоящего — это парадокс бесконечного тождества: бесконечного тождества обоих смыслов сразу — будущего и прошлого, дня до и дня после, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта» (С. 14).

Иллюстрация парадоксов становления в примерах Делеза не является строгой, многие педантичные логики могут возразить, что здесь вообще нет парадоксов, ибо имена «раньше — позже», «меньше — больше», «настоящее — будущее», «младший — старший» не субстантивны, а релятивны, это не свойства вещей, а отношения в вещах. Выбор этих характеристик зависит от системы отсчета, именно поэтому меньшее может стать большим в других отношениях, младшее — старшим и т. д. К издержкам делезовской трактовки относится и его рассуждение о том, что только инфинитив (например, *краснеть, созреть*) способен выразить становление, тогда как прилагательные и определенные формы глаголов выражают всегда *ставшее*, именуют паузы и остановки. Этот грамматический аргумент весьма поверхностен, ибо ни логика, ни естествознание не знают ни прилагательных, ни глаголов, хотя весьма успешно изучают эволюционные процессы.

Делез в анализе парадоксального элемента явно переживает педали. С его точки зрения, сингулярная точка x , которая может возникать в любом месте его поверхности, — это чистое событие, подлинное становление, не имеющее имени, ибо является тождеством двух противоположных смыслов, нечто вроде *квадратного круга*. Такое событие является *aliquid-ом*, «пассажем без места», означаемым без означающего.

Конечно, для обыденного языка означение неопределенной, становящейся формы объекта является подлинной мукой, что и иллюстрируется парадоксами «Куча», «Лысый», «Летящая стрела». Поэтому иногда и появляются в речи фразеологизмы типа «ни то, ни се», «ни рыба, ни мясо». Обычный язык — вообще не надежный инструмент в анализе парадоксов.

Однако наука в настоящее время научилась моделировать процессы становления, вводить не только понятия о становящихся объектах, но, и объяснять их становление в логически последовательной форме. Об этом свидетельствуют теории переходных процессов, фазовых превращений, бифуркационных процессов, теория Большого взрыва Вселенной, современная синергетика, объясняющая становление порядка из хаоса.

Источником экстравагантных выводов Делеза является именно его образ поверхности, которая неразрывным образом связывает имена и вещи, предложение и положение вещей. Тогда и получается, что если мы имеем дело со становящимся объектом, который не попадает в паузы и остановки, то он не может быть описан в языке, для него никогда не найдется имени. Но разум человека хитрее природы, он способен понять и объяснить непротиворечиво неустойчивые, становящиеся объекты, поэтому в современной науке все чаще появляются необычные имена: виртуальные частицы, кварки, черные дыры, хаос и т. д.

В чем прав Делез? Безусловно в том, что становящиеся процессы могут быть и часто являются источником парадоксов. Однако это не является общим правилом. Существуют парадоксы, не имеющие отношения к процессам становления, и процессы становления, объясненные в науке вполне рационально, непротиворечиво.

Вторым видом объектов, в которых Делез обнаруживает нонсенс, являются экзотические слова, которые наш автор черпает из творчества Л. Кэрролла и часто называет «эффектом Кэрролла». Согласно Делезу, существует два класса экзотических слов: эзотерические имена и слова-бумажники.

Типичными эзотерическими словами являются имена Снарк, Бармаглот и им подобные. Для понимания этих слов важна их транскрипция в английском языке. Кэрролл использует для конструкции указанных имен необычное (эксклюзивное) соединение английских словоформ. Бармаглот образовано от соединения Jabber + Wocky, означающего смысловой симбиоз *возбужденный спор + плод*, которое можно трактовать как конструкцию *говорить (спорить) + есть*. Имя Снарк образовано от конструкции Snark = shark + snake = *акула + змея*.

За этими словами у Кэрролла стоят фантастические истории. «Снарк — неслыханное имя, но также и невидимый монстр. Он отсылает к страшному действию — к охоте, в результате которой охотник рассеивается и утрачивает самотождественность. Бармаглот — это неслыханное имя, фантастическое чудовище, но также и объект страшного действия — великого убийства» (С. 90).

В эзотерических словах Делез усматривает аналогию с парадоксальным, т. е. пустым словом на поверхности (aliquid-ом), которое могло бы быть названо «это=x». «Парадоксальный элемент, — пишет Делез, — является одновременно и словом, и вещью. Другими словами, и пустое слово, обозначающее парадоксальный элемент и эзотерическое слово, обозначающее пустое слово, исполняют функцию выражения вещи. Такое слово обозначает именно то, что оно выражает, и выражает то, что обозначает. Оно выражает свое обозначаемое и обозначает собственный смысл. Оно одновременно и говорит о чем-то, и высказывает смысл того, о чем говорит: оно высказывает свой собственный смысл. А это совершенно ненормально» (С. 90).

Понять сказанное без соответствующей интерпретации довольно трудно. В чем, по мнению Делеза, выражается нонсенс эзотерических слов? Ответ уже был дан ранее: в нарушениях регрессивного синтеза, в отношениях означающего и означаемого, которые, как мы видели, Делез трактует как связь имен в сериях. Другими словами, слово *лошадь* ведет нас к слову *животное, окружность к кривой* и т. д. Именно так чаще всего даются дефиниции имен в словарях. Мы уже указывали, что нормальное имя, то есть принятое (существующее) в язы-

ке, тащит за собой множество смыслов. Исключения составляют собственные имена (Петр, Павел), не имеющие смысла в языке и осуществляющие специфическую указательную функцию в общении. Поэтому Делез и находит аналогию между эзотерическими именами и собственными именами: и то и другое возможно ввести в употребление, только указав перстом: «Это — х», «Это — Иван».

Однако между собственным именем и эзотерическим словом все же существует различие: если первое не имеет смысла (не несет мысли), то второе, как мы видели, все же имеет некоторый смысл, обусловленный его специфической этимологией, но этот смысл не может найти свое продолжение в других словах (сериях). С нашей точки зрения, мы здесь имеем дело с очевидным фактом: специально сконструированное эзотерическое имя не вписывается в систему языка именно в силу своей эзотеричности, поэтому его нельзя ни дефинировать, ни соотнести с нормальными словами. О таких словах, которые не существуют в языке, обычно не говорят, что они являются nonsensom.

Однако напомним, что Делез желает установить общие законы nonsensom и поэтому определяет эзотерическое имя как слово, замыкающееся в себе, т. е. нарушающее закон образования серии: $n_1 > n_2 \dots$, и оно как имя, «высказывающее свой собственный смысл, может быть только nonsensom» (С. 90).

Уточним, что же все-таки понимает Делез под выражением «собственный смысл». Мы видели, что под собственным смыслом понимается этимология искусственной конструкции. Обычно принято различать этимологию слова и его смысл. Этимология, как раздел лингвистики, устанавливает исторически первичные значения слова на основе реконструкции его исходных составных частей (первичных форм, морфем, фонем). Поэтому под этимологическим значением слова понимают его реконструированный, зачастую устаревший смысл в отличие от приобретенного современного смысла, который изучает лексикология. Однако свою этимологию имеют и обычные нормальные слова, о которых тоже можно сказать, по Делезу, что они выражают «свой собственный смысл». Например, *медведь* = *ведущий мед*, *самолет* = *летающий самостоятельно*. Эти слова отнюдь не являются nonsensom.

Нам представляется, что Делез запутывает объяснения nonsensom своим законом «регрессивного синтеза», вернее нарушением этого закона. Имя, существующее в системе языка, безусловно, может быть соотнесено с другими словами в языке, а имя эксклюзивное (находящееся вне системы языка), конечно, не может быть соотнесено ни с одним из них. Nonsensom же обычно называют синтагму, т. е. последовательность слов из *системы языка*, в которых нарушается правило их семантической согласованности, например, *квадратный круг, зеленые идеи*.

Безусловно, эксклюзивные слова могут иметь свое смысловое развитие в выдуманных историях, но в этом случае они привязываются к эксклюзивному тексту, у которого всегда есть автор. Кэрролл и сочиняет такие эксклюзивные фантастические истории, которые могут быть озаглавлены как «Снарк» и «Бармаглот». Эксклюзивные слова подобного рода не живут в языке, они являются своеобразным «кунштюком», искусственной конструкцией.

Второй класс экзотических слов составляют, по Делезу, слова-бумажники, опять же кэрролловского происхождения. Делез обращается к анализу слова «злопасный», которое является эксклюзивной конструкцией двух смыслов «злой-и-опасный». Подобные конструкции часто придумывают дети на раннем этапе освоения речи «Каждая виртуальная часть такого слова, — пишет Делез, — обозначает смысл другой части или выражает другую часть, которая, в свою очередь, обозначает первую. В рамках одной и той же формы все слово целиком высказывает свой собственный смысл и поэтому является нонсенсом» (С. 90).

В чем же здесь выражается нонсенс по Делезу? Во-первых, в нарушении регрессивного синтеза по аналогии с эзотерическим именем. Во-вторых, в нарушении принципа дизъюнкции. По Делезу, слово-бумажник объединяет в себе смыслы, которые должны быть разделены в сериях их употреблений. Другими словами, в сериях слова «злой» и «опасный» разделяются, смыслы этих слов нормализуются, но «ничто» и «никто» не может быть «злопасным». Это и есть нонсенс, дарующий, по мнению нашего автора, смысл сериям «злой» и «опасный». «В самом деле, — указывает Делез, — ведь второй нормальный закон имен, наделенных смыслом, состоит в том, что их смысл не может задавать альтернативу в которую они сами бы входили. Таким образом, у нонсенса две фигуры: одна соответствует регрессивным синтезам, другая дизъюнктивным» (С. 91–92).

Здесь, как уже не раз случалось у Делеза, пример неадекватен провозглашенному им правилу. Слова «злой» и «опасный» отнюдь не исключают друг друга в употреблениях. Можно, например, высказать вполне осмысленную фразу: «Преступник зол и опасен», т. е. произвести законную конъюнкцию указанных слов. Более адекватным рассуждениям Делеза могло бы стать искусственное слово «Доброзлок», ибо признаки «добрый» и «злой» контражны. Но такого слова не существует в языке именно в силу его абсурдности. Одна часть смысла нашего слова (добрый) уничтожает другую (злой). Реальный человеческий язык вытесняет подобные слова из общего употребления.

Следует отметить, что Делезу так и не удалось последовательно развести понятия абсурда и нонсенса. И абсурдные имена, и нонсенс подчиняются у него одним и тем же фигурам: это нарушения в регрессивном и дизъюнктивном синтезах. «Таким образом, двум фигурам нонсенса соответствуют две формы абсурда» (С. 93). Можно лишь сказать, что именно на нонсенс Делез возлагает роль генератора смысла. Отсюда можно было бы предположить, что абсурд является тупиком смысла, но эту мысль наш автор не развивает.

В своих интенциях раскрыть источник абсурда Делез в общем-то придерживается, несмотря на экстравагантность своих рассуждений, общего мнения: абсурд является нарушением законов образования смысла. Согласно общему мнению лингвистов и логиков, абсурд возникает в силу нарушения языковых конвенций, т. е. принятых в языке правил образования языковых выражений. Образование правильной, т. е. имеющей смысл пропозиции, подчиняется трем программам: семантической согласованности, синтаксической управляемости (глубинный синтаксис Хомского) и лексической сочетаемости, а нарушения в этих программах приводят к сбоям смысла вплоть до абсурда. Исследования речевых актов показали, что в коммуникации действует еще одно пра-

вило: внутренняя согласованность иллокутивных намерений говорящего и выраженной им локуции. Законы регрессивного и конъюнктивного синтезов, установленные для правильного смысла Делезом, вряд ли что прибавляют к известным положениям семантики. Закон регрессивного синтеза говорит о том, что смысл одних имен должен соотноситься со смыслом других имен, а дизъюнктивный синтез запрещает образовывать сочетания из контрарных смыслов. Это и есть закон семантического согласования имен и предикатов.

В своем анализе Делез обнаруживает два типа нонсенса, или парадоксального элемента: это пустое место и сверхштатный объект, место без пассажира и пассажир без места. Место без пассажира — это пустое слово, не имеющее денотата, пассажир без места — это объект, не имеющий имени, некое «х». Пассажир без места — это то, что существует между «лысым» и «нелысым», «кучей» и «некучей» и не может быть названо. Место без пассажира — это слова, подобные эзотерическим, например, *квадратный круг*.

Однако в своей книге Делез упоминает и парадокс с понятием «множество множеств». Строго говоря, этот случай не попадает ни под понятие «пустого слова», ни под представление о «сверхштатном объекте». У этого понятия, возникшего в рамках теории множеств, есть и имя, и смысл, и экстенционал (множество входящих в него элементов). И тем не менее, эта понятийная конструкция потрясла канторовскую теорию множеств, ибо оказалась внутренне противоречивой.

В математике и логике различают множества нормальные и ненормальные. Нормальное множество не обладает свойством своих элементов (множество книг не является книгой). Ненормальное множество, наоборот обладает тем же свойством, что и его элементы (множество каталогов является каталогом). Если сконструировать понятие «множества множеств, не содержащих себя в качестве элемента», то оно обнаруживает внутреннюю противоречивость. Оно одновременно оказывается нормальным по конструкции и ненормальным по выводам из этого понятия.

Действительно, допустим, что N — множество множеств, не содержащих себя в качестве элемента. Поставим вопрос, к какой разновидности множеств принадлежит N ? Если N входит в нашу конструкцию (*множества множеств*), то оно по определению (*не содержащих себя в качестве элемента*) не должно принадлежать N . Если же N не принадлежит нашей конструкции, то, удовлетворяя определению (*не содержит себя в качестве элемента*), должно принадлежать N . Получаем противоречие одновременной принадлежности и непринадлежности N к нашему «множеству множеств».

Этот парадокс получил конкретизацию в известном примере с брадобреем, который объявил всем, что он: (*a*) бреет тех жителей, которые не бреют самих себя и, естественно, (*b*) не бреет тех, кто бреет сам себя. Перед брадобреем возник вопрос: должен ли он брить самого себя? Если брадобрей не будет брить самого себя, то он попадает в разряд жителей, не бреющих самих себя, и согласно (*a*), должен брить самого себя. Если же он будет брить самого себя, то попадает в разряд жителей, бреющих самих себя, и согласно (*b*), не должен брить себя. Получается, что брадобрей должен брить себя и не должен брить себя.

Для избежания подобных парадоксов Б. Рассел построил теорию типов, согласно которой следует различать термины, характеризующие индивидов

и их свойства, термины, характеризующие множества индивидов и свойства свойств, и т. д. Согласно теории типов нельзя переносить характеристики элементов на множества, образованные из этих элементов.

С помощью теории типов оказалось возможным разрешить известный парадокс «Лжеца», связанный с одновременным употреблением слова «истина» (ложь) в конкретном высказывании и в истинностной оценке этого высказывания.

Допустим, некий критянин сказал: «Я лгу». Что он сказал: истину или ложь? Если — истину, то он лжет, а если солгал, то говорит истину. Согласно Расселу, слово «истина» (как и «ложь») принадлежит более высокому типу, чем конкретное суждение о свойствах какого-либо объекта (например, *человек добр*). Именно для оценки подобных суждений и следует применять термины «истина» и «ложь». Если же слово «ложь» ввести в само суждение (как в нашем примере) и затем оценивать его с помощью того же самого термина, то возникает смешение уровней в употреблении терминов, ведущее к парадоксу.

Подобный парадокс возникает и с употреблением слова «нонсенс», на что указывает Делез. Нельзя говорить: *Джон сказал нонсенс*. Возникает вопрос, что же сказал Джон? «Нонсенс», — отмечает Делез, — обладает тем же свойством, что и слово «нонсенс», а слово «нонсенс» — тем же свойством, что и слова, не имеющие смысла (например, *квадратный круг, живой труп* — А.К.), то есть условные, используемые нами для обозначения нонсенса» (С.90). Если Джон сказал только «нонсенс», то он ничего не сказал. Слово «нонсенс» можно отнести только к конкретному высказыванию (например, *холостяк познакомил нас со своей женой*).

Таким образом, слова типа «истина», «нонсенс» относятся к оценке высказываний, т. е. к более высокому уровню, чем высказывания о свойствах предмета. Можно сказать, что они относятся к метаязыку. Имея в виду теорию типов Рассела, Делез и говорит о необходимости дизъюнкции, т. е. разделении уровней употребления слов, подобных словам «истина», «нонсенс».

Является ли нонсенс источником смысла?

На данный вопрос автор «Логики смысла» дает утвердительный ответ. Несмотря на явное противоречие между словом «логика» и «нонсенс», с этим выводом автора можно согласиться, если уточнить, что же следует понимать под нонсенсом. Если под нонсенсом понимать момент парадокса, парадоксальный элемент, возникающий в ходе антиномического противопоставления двух взаимноотрицающих себя смыслов, то, безусловно, мы имеем дело с источником нового смысла. При этом, конечно, следует отказаться от незаконной абсолютизации, будто все известные формы абсурда могут породить смысл.

Никто, пожалуй, никогда и не утверждал, что истинные парадоксы (если отбросить все уловки и софизмы) лишены смысла. Все известные парадоксы всегда приковывали к себе внимание, их понимание требовало высочайшего напряжения ума и, в конечном счете, они рождали новые смыслы. Можно согласиться с замечанием Делеза о том, что парадокс — мука для разума, он «разрушает не только здравый смысл [bon sens] в качестве единственно возможного смысла [sens unique], но и общезначимого смысла [sens commun]»

(С. 16). Парадокс не дает покоя разуму и заставляет его вновь и вновь обращаться к истокам парадоксальности, искать пути разрешения парадоксальной ситуации, способствуя в конечном счете наращиванию смысла.

Действительно, парадокс не является простым абсурдом, в нем есть определенный смысл, но и момент абсурда в нем также всегда присутствует в виде обнаруживаемого противоречия взаимно исключающих друг друга суждений, одинаково претендующих на истинность. В парадоксе каждое суждение по отдельности имеет смысл: а) стрела летит и б) стрела не летит; а) бродячий должен брить себя и б) не должен брить себя; а) мир конечен в пространстве и б) мир бесконечен в пространстве; а) электрон является волной и в) электрон является частицей и т. д. Абсурд возникает только при столкновении этих суждений.

Шок, вызванный книгой Делеза, связан именно с его общей философской позицией, согласно которой *любой смысл порождается nonsensom*, позицией, абсолютизирующей роль нонсенса как источника смыслов. Ни обыденная речь, ни научная теория не могут начинаться с пустого слова (лишенного означаемого) или с пустого места (без означающего знака). Общая тенденция здесь такова: смыслы всегда рождаются из предшествующих смыслов. Логика смысла (действительная, а не придуманная) и есть логика выводимости одних смыслов из других. Однако на пути этой логики и возникают время от времени парадоксы, которые Кант метко назвал разладом разума с самим собой. Эти парадоксы возникали не сами по себе, спонтанно на какой-то поверхности. За их открытием всегда стоял гений, мудрец, ученый, способный обнажить нерв мысли и указать ее границы, за которыми она превращалась в свою противоположность, в свое отрицание.

Парадокс тоже обладает своей логикой. В нем можно выделить три стадии. Первая, подготовительная, связана с накоплением предпосылочных смыслов. Предпосылочные смыслы фиксируют устоявшееся мнение, например, что, стрела, выпущенная из лука, летит; быстроногий Ахиллес догонит и перегонит черепаху, параллельные прямые не пересекаются, волна не может быть частицей, конечное бесконечным и т. д.

Затем наступает второй этап, когда формулируется парадокс. Суть этого этапа именно в переворачивании устоявшихся взглядов, в переходе к противоположным суждениям или сталкиванию их в противоречии. Приходит Зенон и предлагает модель толкования движения, в которой стрела в каждое мгновение летит и не летит, а Ахиллес никогда не может догнать черепаху. Наступает время гениев. Эйнштейн в теории фотоэффекта показывает, что фотон можно трактовать и как частицу, и как волну. Лобачевский показывает, что в некоторых искривленных пространствах параллельные могут пересекаться. Рассел обнаруживает, что простое понятие «множество множеств» ведет к противоречию. Кант в своих антиномиях доказывает равноправность утверждений о конечности и бесконечности мира.

Это и есть момент высочайшего напряжения мыслей — рождение парадоксального элемента, разлад разума с самим собой. Такое состояние часто оценивается как абсурдное, нетерпимое, как кризис идей. Неслучайно обвинение в абсурдности предъявлялись и Бору в связи с его новой квантовой ме-

ханикой, и Эйнштейну по поводу его теории относительности, и Лобачевскому по поводу его новой геометрии.

Наконец, приходит третий этап разрешения парадокса. Ищущая мысль не может примириться с абсурдом, она мучительно ищет выход из него. Пути разрешения парадоксов — это пути создания новых смыслов, гармонизирующих разум, приводящих его в согласие с самим собой.

По-видимому, нет общего алгоритма разрешения парадоксов. Здесь не нужно придумывать какие-то общие диалектические рецепты для разрешения всех парадоксов, вроде гегелевского синтеза. Гораздо полезнее обратиться к реальной истории разрешения парадоксов в человеческом творчестве, в истории науки. Мы знаем, что парадоксы могут разрешаться за счет создания новой теории, включающей старую в виде предельного случая (боровский принцип соответствия), за счет дискредитации одной из противоположностей, за счет дискредитации обеих противоположностей (как это делает Кант, показывая ложность трех из своих антиномий), за счет разведения противоположностей к разным основаниям (когда Кант примиряет утверждение о всеобщей причинности и свободной, самодеятельной причине, полагаемой человеческим разумом).

Возвращаясь к Делезу, можно сказать, что он зафиксировал только одну фазу рождения смысла: от обнаружения парадоксального элемента к рождению нового смысла, и потерял из виду всю картину, включающую три этапа: от смыслов (предварительных) через парадокс — к новым смыслам. Парадокс всегда предпосылочен, ни язык, ни научная теория не могут начаться с нонсенса.

Путь рождения смыслов через разрешение парадоксов не является ни всеобщим, ни абсолютным, в какой-то степени его можно назвать уникальным. Это особенный путь, нередко связанный с творческими переворотами, революциями в науке. Пользуясь терминологией Т. Куна, можно сказать, что «нормальное» творчество протекает в направлении от смысла к смыслу, но встречаются и «аномалии», приводящие к парадоксам.

Онтология смысла, которую развивает в своей книге Делез, отнюдь не нацелена на объяснение генезиса парадоксов, возникавших в истории развития науки. Его больше интересует художественное творчество, экзотические языковые феномены. Его Поверхность выступает в образе некоторой машины, производящей смыслы из нонсенса, самодостаточной Структуры, которая оторвана и от субъекта смысла и от его адресата.

Заключение

В своем анализе концепции смысла Делеза мы старались пройти по следам лабиринта мысли постмодернистского философа, выявить его аргументы и предпосылки, лежащие в основании эпатажирующей идеи о рождении смысла из абсурда, скрупулезно разобраться в логике его выводов. Другими словами, мы действовали в привычной парадигме научного познания: исследуй основательность предпосылок и правильность (строгость) выводов. Однако признаемся, что выполнение этой программы давалось нам с трудом, и, возможно, что мы не всегда достигали поставленной цели в реконструкции оригинальной мысли Делеза. И на это есть свои причины.

Мысль Делеза постоянно выбивается из привычного ряда рассудочного мышления. Наш философ вполне сознательно восстает против всяких (установленных кем-либо) канонов философствования. Сила логического вывода подменяется у него смелыми и неожиданными метафорами, ссылки на многочисленные факты нивелируются поверхностным и весьма приблизительным их толкованием. Парадоксальность, оригинальность, недосказанность и намек для него гораздо дороже педантичной точности и скучной научной корректности.

Стиль философствования Делеза больше, чем стиль. Это целая идеология подлинного, с его точки зрения, философского творчества. В этом стиле воплощено и оправдано его понимание ценности философии и сути философского творчества. В своей последней книге «Что такое философия?», написанной совместно с Ф. Гваттари, наш философ раскрывает свое творческое кредо философствования.

По мнению Делеза, философия есть всегда творчество концептов. Этот старый термин, трактованный ранее как эквивалентный понятию, обрел в современной лингвистике новую жизнь и новый смысл.¹⁴

В современной лингвистике термин концепт отнюдь не отождествляется с понятием. Под концептом обычно понимают ментальный образ, в котором ассимилирован когнитивный опыт личности (личностные концепты), группы, нации (национальные концепты). В языковой коммуникации при распределении смыслов человек чаще всего опирается на концепты, а не понятия, которые характерны для научного мышления. Например, концепт «Луна – искусственный спутник Земли» характерен скорее для научного употребления термина «Луна». В этом случае его смысл совпадает с содержанием научного понятия. Однако в разговорной практике смысл концепта «Луна» может быть выражен в мысленных образах: ночное светило, медный диск (серп, ковш) в ночном небе, ночной сторож, царица ночи, холодное светило и т.д.

Концепты семантически многогранны, они включают различные смысловые составляющие (компоненты смысла), они могут быть в большей или меньшей степени нагружены как абстрактно-смысловым содержанием, так и чувственно-наглядной образностью. Смысловые компоненты концепта образуют полевою структуру, которая отличается диффузным характером, отсутствием четкого разграничения между компонентами смысла, наличием непредсказуемых переходов между ними, а также разветвленными связями с другими концептами. Недаром Делез говорит о фрактальной структуре концептов.

Философия, согласно Делезу, отличается от других форм интеллектуальной деятельности своей концептуальностью, она творит концепты и позна-

¹⁴ см.: Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. Гл. I; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1998.

¹⁵ Здесь Делез допускает некорректность в различении концептов (в философии) и проспектов (в науке), ибо там, где есть смысл, должны быть и пропозиции, выражающие этот смысл. Из целостного контекста книги можно все-таки установить различие концептов и проспектов. Концепты, по Делезу, не референтны, они автореферентны, т.е. утверждают и оправдывают самих себя в своем смысловом развертывании, тогда как проспекты имеют референты в положении дел. Концепты интенциональны, но не имеют экстенционала в отличие от понятий науки.

ет с помощью концептов, тогда как наука творит проспекты, в основе которых лежат научные пропозиции¹⁵.

Философские концепты возникают в связи с решением философских проблем, то есть проблем, возникших в философском дискурсе, например, что есть «единое», «бытие», «универсалии», «трансцендентное», «имманентное» и т.п. Однако не надо думать, что проблема возникает до концептов, сама постановка проблемы предполагает ее концептуализацию, т.е. выражение вопроса на языке концептов.

Концепт — это некоторая философская идея, но отнюдь не какая-то обшая или абстрактная, а некий смысл, окрашенный образом, на котором лежит печать его творца: «Концепт как познавательное средство имеет смысл лишь по отношению к образу мысли, к которому оно отсылает».¹⁶ Под каждым концептом можно поставить подпись автора.¹⁷

Концепт синтетичен, он состоит из составляющих, которые в свою очередь являются концептами. Так, декартовое «*cogito*» или «Я» включает в себя концепты «мыслить», «сомневаться», «существовать» (бытие Я). Парменидовский концепт «Единое» тянет за собой концепты «бытие», «небытие», «сущее» и т. п.

Таким образом, концепты обладают множественностью различных и разнообразных смыслов, которые иногда оказываются неразделимыми. У любого концепта есть своя предыстория, отсылающая к решению других проблем и других концептов, и вместе с тем — становление, предполагающее упорядочение его составляющих, состыковку с другими концептами. Эта насыщенность концепта другими концептами, их пересечениями и вариациями, составляет его консистенцию: концепт «без всякой дистанции сопричастствует во всех своих составляющих или вариациях, снова и снова проходит через них».¹⁸ Он постоянно находится в состоянии «парящего полета» по отношению к своим составляющим. Концепт относителен, если иметь в виду его многообразные отношения с другими концептами, и одновременно абсолютен в своей целостности, в своем самополагании себе как целого.

Помимо концептов философское творчество, по мнению Делеза, включает еще два обязательных элемента: план имманенции и концептуального персонажа. План (поверхность, плоскость) имманенции — это вместилище, в котором сочленяются, состыковываются концепты. План — это всегда некоторый образ мышления, который отнюдь не отождествим с каким-либо методом. В плане осуществляется вечный поиск, парение свободной мысли. План, по Делезу, не предполагает какой-либо объективной системы отсчета, он задает лишь горизонт сочленения и развертывания событий, т.е. концеп-

¹⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 1998. С.106.

¹⁷ Можно констатировать, что в последней книге Делез отходит от некоторых идей, изложенных в «Логике смысла», в частности ранее он утверждал, что смысл принадлежит сверхбытию, что он не общезначим (т.е. не является мнением) и не индивидуален (то есть не является ментальностью).

¹⁸ Там же. С.32.

¹⁹ Там же. С.57.

²⁰ Там же. С.73.

тов. Он является как бы столом, на котором бросаются кости, каждый бросок — это событие. Смена планов — это всегда смена образов мышления.

Мысль не предзадана в плане, в нем реализуются ситуации и вариации мысли. Делез сравнивает план с пустыней, по которой кочуют племена-мыслы, ее заселяющие. План — это диаграмма мысли, определяющая ее направления, а концепты — это интенционалы. План обладает дистрибутивностью, он распределяет смыслы. В плане мысль никогда не предопределена, скорее мысль продвигается в нем «на ощупь», иногда при его начертании «пользуются средствами не вполне благовидными, не вполне разумными и рациональными»,¹⁹ в плане «мысль ищет — но не как человек, обладающий методом поиска, а скорее как пес, который на внешний взгляд беспорядочно мечется из стороны в сторону».²⁰

Для понимания сути философского творчества важна делезовская трактовка имманентности. Классическая традиция обычно трактовала имманентность в духе имманентности «чему-то»: субъекту, Богу, объекту, доксе, универсальному, трансцендентному и т.п. Здесь, как отмечает Делез, происходило смешение плана с концептом. Подлинное философское творчество, согласно мысли постмодернистского философа, предполагает свободное развертывание концептов в плане имманенции, где «имманентность не имманентна более ничему, кроме себя».²¹ В этом плане «представлены лишь одни события, т.е. возможные миры как концепты и другие как выражения возможных миров или концептуальные персонажи».²²

Философское творчество, по Делезу, не может быть осуществлено без соответствующего концептуального персонажа. Концептуальный персонаж является выразителем точки зрения философа-творца, но отнюдь не так, как это бывает в романах, когда голос автора отдается одному из героев. Концептуальный персонаж присутствует в творчестве, даже оставаясь неназванным. Он не является ни символом, ни аллегорией. Это подлинный субъект философии, осуществляющий ее становление, это персонаж с характерным только ему образом мысли.

Таков Сократ у Платона, Идиот (вечно сомневающийся) у Декарта, Дионис распятый у Ницше. Концептуальные персонажи — это не исторические типы, которым следует или подражает философ. Став концептуальными персонажами в творчестве философа, они осуществляют его волю или, что то же самое, философ реализует волю своего концептуального персонажа. Платон заставив Сократа стать философом, сам стал Сократом: «В нас мыслит тот или иной концептуальный персонаж, который, быть может, до нас и не существовал».²³ Концептуальный персонаж и план имманенции предполагают друг друга.

Таким образом, философское творчество включает три элемента или части: префилософский план имманенции, профилософский концептуальный персонаж и философские концепты. «Начертание, изображение, творение — такова философская троица».²⁴ К этой троице Делез в качестве важнейшего элемента добавляет еще и вкус, определяющий гармонию между тремя названными частями. Разум определяет начертание плана, Воображение — избрание персонажей, Рассудок — творчество концептов.

Теория смысла Делеза вполне укладывается в его идеологию философского творчества. У нее есть свои концепты, план имманенции и концептуальный персонаж. Концепты Делеза не заимствованы из прежнего историко-философского наследия, хотя он и ссылается в качестве аналогов на некоторые высказывания философов-стоиков. Это подлинные философские новации, претендующие на кардинальный переворот в понимании отношений между смыслом и абсурдом. В тезаурус новой постмодернистской философии входят концепты: *поверхность*, в которой сочленяются мысли и состояния вещей; *событие* как чистый смысл; *сверхбытие* смысла; всегда случайное и блуждающее по поверхности *сингулярное событие* (aliquid), трактуемое как небытие смысла, как абсурд; серии разбегающихся от aliquid-а событий, в которых происходит становление смысла.

План имманенции обладает диаграмматическими чертами, своей смысловой топологией, в которой сочленяются и самоопределяются концепты, формируются оппозиции означающего и означаемого, смысла и положения вещей.

Наконец, у этой философии смысла есть и свой незазванный персонаж. Нам представляется, что это Сократ, фигурирующий, конечно, не в качестве исторического персонажа, а как выразитель делезовского способа мышления. Главная черта его способа мышления — это парадоксальность, стремление перевернуть устоявшееся мнение, сочленить то, что всегда считалось несоединимым, и разъединить то, что всегда мыслилось как совместное. Если Сократ, как овод, не давал впасть в безмятежную спячку афинянам (покой устоявшейся мысли) и постоянно ставил в тупик своих оппонентов в платоновских диалогах, то новый Сократ Делеза мечет свои инвективы против апостолов классической традиции.

Можно ли критиковать и каким образом такую философию? С точки зрения Делеза, критика концептуальной философии не имеет особого смысла. Прежде всего Делез отрицает продуктивность критики штатных профессоров, ортодоксов школы, соскабливающих пыль со старых философских фолиантов. Такая критика напоминает, с его точки зрения, споры схоластов, полирующих внешние догмы. Существуют и две другие фигуры критика. Это Друг, соперничающий в борьбе с философом за обладание той же самой любимой вещью, т.е. придерживающийся тех же самых концептов, выступающий, по существу, как со-творец новых философских интуиций. И есть Другие, которые являются оппонентами философа и выступают с других философских позиций по отношению к автору. В этом случае Другие противопоставили себя автору, создают свои новые концепты, планы имманенции и концептуальных персонажей. Но новые концепты не способны подорвать старые, ибо и те и другие не соизмеримы, находятся в разных плоскостях имманенции.

Даже греческий агон, по Делезу, не является идеалом философского соперничества, ибо ориентирован на консенсус, коммуникацию, установление

²¹ Там же, С.64.

²² Там же, С.64.

²³ Там же, С.90.

²⁴ Там же, С.100.

²⁵ Там же, С.107.

общего мнения. Подлинное творчество всегда конструктивно, оно рассчитано не на выявление общезначимого, усредненного, а на новацию, выбивающуюся из общего ряда, на парадоксальность. Сократ, по мнению Делеза, отнюдь не сочленял различные мнения в коммуникативном консенсусе, а подавлял своих противников, навязывал им свою точку зрения, свой образ мысли. «При конструировании, — отмечает наш философ, — утрачивает смысл всякая дискуссия, которая лишь замедляла бы необходимые конструктивные шаги...».²⁵ Философия с его точки зрения не дискурсивна, а парадоксальна. Таким образом получается, что вы либо принимаете предложенную вам философию, либо строите свои концепты.

Сразу же напрашивается вопрос о целях философского творчества: разве философия не борется за истину, и не является ли истинность ее концептов мерилем ее продуктивности? На этот щекотливый вопрос у нашего постмодерниста есть свой нестандартный ответ: «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное, которыми и определяется удача или неудача».²⁶ В таком случае история философии действительно теряет свою дискурсивность и предстает как коллекция различных и несовместимых точек зрения.

В своей критике Делеза мы руководствовались все-таки иным взглядом на природу философских дискуссий. Мы считаем, что философия всегда претендовала и претендует на истину при всех разночтениях и дискуссионности этого великого концепта. Говоря о претензиях философии на истину, следует различать концепты сугубо философские, родившиеся в лоне внутрифилософского творчества. Таковы концепты «единое», «бытие», «*cogito*», «трансцендентное» и т.п. Именно такие философские концепты Делез противопоставляет научным понятиям, требующим референции и, следовательно, проверки на истинность. Имманентные философские концепты автореферентны, ибо оправдывают себя планом имманенции, и самодостаточны в представленном образе мышления.

Однако, существуют концепты промежуточной, конвергентной природы, которые можно назвать междисциплинарными и которые с одинаковым правом фигурируют и в философском, и в научном дискурсах. Таковы «пространство», «время», «причинность», «сознание» и т.п. Именно к корпусу таких междисциплинарных понятий (и одновременно концептов) принадлежат Абсурд и Смысл. Такие концепты философия вынуждена развивать с постоянной оглядкой на их научную состоятельность и содержательную насыщенность. Философия не может считать эти междисциплинарные категории неприкасаемыми со стороны науки и объявить вето на их научную критику. Иначе возникает действительно абсурдная ситуация, когда одно и то же понятие существует, абсолютно не состыковываясь, в параллельных мирах дважды — в философском и научном контекстах — без всякой надежды найти между ними общую смысловую связь. В таком случае эти категории превращаются в вечные омонимы, совпадающие лишь в звучании слова. Думается, что и Делез не принял бы такую перспективу трактовки философски-научных категорий.

²⁶ Там же. С.108.

Понятия абсурда и смысла — это как раз такие понятия, которые обладают категориальным статусом и одновременно вошли в плоть и кровь таких наук как лингвистика, психология, теория коммуникации, теория деятельности, теория искусственного интеллекта. Критика, предпринятая нами с позиции соответствия взглядов Делеза установившимся (но отнюдь не окончательно) представлениям о смысле и абсурде в научном корпусе, и представлена на суд читателям. За ним и остается право взвешивания альтернатив.